

Михаил Иванович Венюков

**О физико-географических
условиях расселения русского
народа**

Михаил Иванович Венюков
О физико-географических
условиях расселения
русского народа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22109418

Аннотация

«По мере того, как естествознание расширяет круг своих изысканий, влияние его все глубже и глубже проникает в жизнь современных человеческих обществ. И это не только в сфере материальных приложений механики, физики и химии, как, напр., в железных дорогах, телеграфах, красильном искусстве, но и в области самых высоких соображений о судьбах всего человечества. Лучшие умы, передовые люди нашего времени, и даже те из них, которые по складу понятий наклонны к отвлеченностям, мало-помалу отказываются от иной основы для своих теорий, выводов и самой практической деятельности, как та почва, которую доставляет изучение природы...»

Содержание

I	4
II	37

Михаил Венюков

О физико-географических условиях расселения русского народа

I

По мере того, как естествознание расширяет круг своих изысканий, влияние его все глубже и глубже проникает в жизнь современных человеческих обществ. И это не только в сфере материальных приложений механики, физики и химии, как, напр., в железных дорогах, телеграфах, красильном искусстве, но и в области самых высоких соображений о судьбах всего человечества. Лучшие умы, передовые люди нашего времени, и даже те из них, которые по складу понятий склонны к отвлеченностям, мало-помалу отказываются от иной основы для своих теорий, выводов и самой практической деятельности, как та почва, которую доставляет изучение природы. Наиболее смелые идут дальше и прямо говорят, что вся история человеческого рода, в которой еще недавно большинство видело чуть не исключительно сферу проявления свободной воли человека и людских страстей,

а иногда мистического предопределения и фатализма, что эта история есть не более, как продолжение истории животного царства, которой *главные черты*, совершенно независимые от человеческой воли, *намечены вперед* и вполне согласны с законами геологии, палеонтологии, зоологии и физиологии. Идеалисты-метафизики, люди горячего воображения и сердца, но не критического ума, борются против этой теории, стараются даже найти для себя точку опоры не в одних преданиях, не в одних старых авторитетах, но из самом естествознании, толкуемом ими по своему (вспомним геолога Де-ли-Беча), но шаг за шагом твердая почва из-под них исчезает, и они должны бывать или оставаться на воздухе, в пустоте отвлеченностей (напр. Гартман), или склонить свою, несколько спесивую, выю перед неотразимостью доводов их противников.¹

---

¹ Ради важности содержания талантливой статьи почтенного автора, не можем отказать себе в удовольствии напечатать ее в нашем журнале, хоть и почитаем несогласным с результатами строгой науки утверждения, что история человечества не более, как продолжение истории животного царства, следовательно не более, как проявление законов жизни физической природы. Против такого отождествления законов физической природы с законами духа восстают не одни идеалисты метафизики, но только люди, как выражается автор, не критического ума, но первостепенные представители науки и точного, строгого мышления. Учение, сводящее психическую жизнь только к канонам внешней природы, неотразимо опровергается трудами таких гениальных исследователей природы, как Тельмгольц и др. (см. его исследования об ощущении звука и по физиологии зрения) и таких физиков, как Тет и др. Приглашаем читателей наших прочесть, но только в подлиннике, *Populäre Vortrage* Гельмгольца и, хоть в немецком переводе, известного физика Вертлейна, последнюю страницу первой лекции из *Vorlesungen über*

В числе вопросов, на решении которых особенно отразилось это современное направление науки и жизни, одним из наиболее крупных является вопрос о размножении и вырождении рас, видов, родов и даже целых семейств растительного и животного царств. Палеонтология совершенно точно, с неотразимою ясностью доказала, что для каждого рода и вида, для каждого племени имеются свои периоды возрастания и упадка, свои эпохи появления на земле и исчезновения с нею. Сигиллярии и древовидные хвощи, очень мелкие нуммулиты и огромные дипотерии и мамонты, плезиозавры и дронты являлись постепенно на земной суше, в водах или в воздухе, распложились увеличивались в числе и объеме, а потом мало-помалу мельчали, становились реже и наконец исчезали совсем. На место их нарождались и размножались другие существа, иногда сходственных типов, иногда весьма отдаленных. Рыбы, бывшие изобильными в девонскую эпоху, заменились гадами в юрскую и млекопитающими в период новейших наносов. Водоросли, хвощи и папоротники переходных образований заменены в наше время растениями двудольными, которые ботаника признает совершеннейшими по устройству и которые вовсе не были известны в силлурийский период. Человек, в западной Европе, стал на место гиен, пещерных медведей, северных оленей и пр., бывших

---

neuere Fortschritte der Physik Teta. Tet обвиняет чистых спиритуалистов не хотящих знать опыта в Thorheit, а материалистов, желающих объяснить волго человека и его сознания, как результаты действий сил физической природы в неспособности мыслить, в Unsinn. Ped.

очень обильными, напр., во Франции, Швейцарии и Бельгии в первое время появления там человеческих организмов. Вырождение этих животных, под влиянием перемен в строении почвы и в климате и борьбы между собою и с людьми, можно следить уже в исторические времена², и эти наблюдения еще раз несомненно подтверждают, что *для каждого органического типа, растительного или животного, есть свои эпохи появления, размножения упадка и исчезания.*

Учение Дарвина о родовом подборе и о борьбе за существование, из которой победителями всюду выходят сильнейшие, т. е. наилучше развитые типы, внесло свет в ту огромную массу данных, из которых извлечен эмпирический закон замены одних типов другими, с искоренением первых. Оно показало, что *иначе и быть не может* в мире организмов, для размножения которых природа поставила пределы, с одной стороны, в *ограниченности протяжения земной суши*, а с другой, в *количестве солнечных тепла и света*, которые суть настоящие возбудители и двигатели органической жизни на нашей планете и *которых годовое количество есть величина постоянная для всего земного шара*, хотя и колеблющаяся около известных средних величин для каждой отдельной местности. Как. только на земле появляются организмы более сильные, более приспособленные к среде, чем

---

² Например, олени исчезли в Швейцарии при конце средних веков. В XII веке они еще составляли любимую пищу, напр., монахов Сен-Галленского монастыря, как видно из сохранившихся ведомостей сборов с монастырских крестьян.

прежде существовавшие их сородичи, так последние начинают склоняться к упадку, потому что средства существования, которые обеспечивали их жизнь, захватываются другими, сильнейшими, а новых земля произвести не может. Усилиями естествоиспытателей средства эти исчислены и изучены с большею или меньшею подробностью, и мы можем теперь без большего труда определять вперед, чего можно ожидать, напр., от растительности страны, которая лежит под такими-то параллелями, в таком-то расстоянии от берегов океана, на такой-то средней высоте над его уровнем и имеет такую-то почву. А затем растительную природу страны определяется уже состав её животного царства, которое питается растительными продуктами. Так, не быв вовсе на Амуре, можно было предсказать, что бассейн этой реки, особенно вблизи Японского моря, имеет климат холодно-влажный, что тамошняя река многоводна и, следовательно, богата рыбою, что почва там покрыта лесами и что, следовательно, там должно быть изобилие пушных зверей, водяных птиц и т. п. Для подобного предсказаний не нужно даже подробно изучать трактаты Декандоля, Гризебаха и Уоллеса о географии растений и животных, а достаточно быть знакомым с учебником земной физики.

Но это еще не все. Зная географическое положение места, его средние температуры, годовую и месячные, количество влажности в воздухе и господствующее направление ветров, можно безошибочно сказать, на сколько оно удобно

для жительства людей. Тот, кто бы, напр., вздумал уверять, что страны на юг от Алжира, Туниса и Триполи или на восток от Каспийского моря могут вмещать в себе многочисленное и оседлое население, мог бы без труда быть опровергнут простым перечислением невыгодных физико-географических условий этих местностей. Естествоиспытатель сказал бы ему, что если средняя годовая температура Сахары выше, чем, напр., Ломбардии, то крайности наибольшей и наименьшей теплоты, вредные для большей части организмов, в ней гораздо чувствительнее, чем в долине По, а атмосферное орошение совершенно ничтожно, так что никакая древесная растительность там невозможна, а травяная может существовать только в течении очень короткого периода дождей, да и то лишь в долинах, где влага скопляется с соседних высот и где её испарение от ветров замедляется присутствием тех же высот. Напротив, не нужно ездить на Зондские острова, чтобы представить себе, что в этом архипелаге почва должна быть покрыта богатейшею растительностью, преимущественно древесною, что климат его – влажно-жаркий, с редким постоянством температуры по временам года и даже по часам дня, что при роскошной флоре там должна быть и богатая фауна и что, следовательно, человеку там легко питаться и вообще жить без большего труда.

Как скоро мы стали на эту точку зрения на условия географического распространения людей, так, независимо даже от увлекательных теорий таких великих учителей, как Бэр, Рит-

тер, Бокль и пр., перед вами с совершенною ясностью становится положение, что *в этом распределении гораздо сильнее дает себя чувствовать физическая природа страны, чем свободная воля человека*, хотя бы вооруженного всеми орудиями современной цивилизации. Напрасно, например, было бы мечтать о заселении северной Сибири или закаспийских степей оседлыми земледельцами; напрасно думать, что на побережьях Охотского моря может процветать что либо, кроме звериной и рыбной ловли и лесных промыслов. Неорганическая природа, конечно, не зависят от климатов, и где-нибудь на верховьях Майи или Уды могут быть отысканы россыпи золота, способные привлечь немало людей; но с истощением металла окрестная страна должна опять обратиться в местную пустыню.

Эту зависимость между физико-географическими условиями страны и возможностью заселения её людьми не трудно выразить некоторыми цифрами, хотя нельзя не признаться, что они относятся к вопросу несколько косвенно, так как вообще география животных организмов доселе почти вовсе не имеет численных данных. По закону Девандоля для созревания сама-то неприхотливого хлебного злака, ячменя, нужно, чтобы развивающееся зерно получило в сумме около 1750° Ц. тепла за все время развития и чтобы притом это тепло никогда не было менее 0° : иначе всходы, цветы или плоды погибнут от холода. Для яровой пшеницы нужны: до 2100° тепла, средняя температура периода созревания от 15

до 20° Ц., а наименьшая до 3—4° Ц. Кукуруза требует 2.600° тепла и средней температуры периода созревания в 20° Ц. и т. д. Отсюда ясно, что если какое-либо человеческое племя привыкло питаться одним из этих хлебов и думает переселиться в страну, где он не может созреть, то оно не найдет привычных для себя условий жизни и должно будет изменить привычки и потребности и даже может вовсе изнемоть в борьбе с недостатком нужных ему условий, т. е. уменьшиться в числе или и совсем выродиться. Конечно, человеческий организм гибок; он иногда очень легко заменяет одну пищу другою. Но если эта последняя не доставляет ему прежних количеств азотистых и без азотных веществ, то самый организм изменяется, начинает худеть, истощаться, порода распложается медленнее прежнего, подвергается частым болезням и затем вымиранию. Мы можем сказать, что, в общем итоге, для современного европейца страна с 0° годовой средней температуры и с таким летом, которое не дает возможности созреть хоть одному из европейских зерновых хлебов, есть страна неудобная для жизни. И в самом деле, взяв для сравнения две карты, этнографическую и годовых изотермов, мы увидим, что лишь в немногих местностях европейская жизнь устроилась за нулевою линией, а где и перешли ее к северу, то там наверное лето столь же тепло, как где-нибудь в Париже или хотя в Москве, Иркутске, Барнауле, Нерчинске находятся именно в этих послед-

них условиях³. Но за то в южной половине Камчатки европейская культура невозможна, хотя там, именно в Петропавловске (53° шир.), средняя годовая температура выше нуля (+2°3 Ц.). Летом этой стране недостает тепла, нужного для созревания хлебных злаков (ср. лет. т. = 43,4° Ц.), и чтобы европеец мог жить в Камчатке, нужно для него предмет первой необходимости, хлеб, подвозить издалека.

Понимание всех этих явлений и взаимной их связи, если не научное, то наглядное, извлеченное из опыта, издавна усвоено всеми сколько-нибудь развитыми человеческими племенами, и оно-то влекло я влечет постоянно наиболее сильные из них в захвату земель с возможно выгодными географическими, т. е. почвенными и метеорологическими условиями. *Те поколения, которые успели прочно утвердиться на выгодных местах земной суши и развились физически и умственно лучше других, те и заручились всем нужным, чтобы оттеснит или даже стереть в лица земли племена менее удачливые.* Европейские народы в этом случае особенно счастливы. Они занимают издавна одну из лучших частей земной поверхности, богато орошенную реками и глубоко врезавшимися морскими заливами, самую теплую из всех, лежащих с ней под одними широтами, наилучше увлажяемую дождями, от крайностей холода и жара, парали-

---

³ Средние температуры в этих городах суть: В Барнауле годов. 0,4° Ц. летняя 17,6° Ц." Иркутске " 0,5° " 16,5°" Нерчинске " 3°,8 " 16°,4Ср. темп. лета в Москве 17°,7 Ц.

зующих деятельность человеческого организма, и, наконец, находившуюся в середине континентального полушария нашей планеты. У европейцев есть все: и плодородная почва, и легкость обмена её произведений по дешевым естественным путям, и температура, не мешающая сильному физическому и умственному труду в течение круглого года. Этим без сомнения определилось и превосходство европейской расы над прочими, превосходство, которое современною антропологией признано окончательно, не смотря на то, что еще в 1840-х годах А. Гумбольд признавал все человеческие племена «одинаково» благородными и противился разделению их на высшие и низшие.

Но физико-географические условия различны в разных частях Европы, а с ними неодинаково и физиологическое развитие разных частей европейского населения. Легче всего было людям размножиться и получить досуг от чисто физических трудов, а затем разумно установить общественные князи на берегах Средиземного моря: там действительно и родились европейские образованность и гражданственность. Но для преуспевания уже развитой, физически и умственно, породы людей наиболее выгодные условия представляет Великобритания. Англичане живут на острове, недоступном для частых вторжений с материка, и вот они уже 800 лет не знают разорений от нашествий внешних врагов и от содержания больших постоянных армий, тогда как население континентальной Европы страдает от войн приблизительно в каж-

дые десять лет раз, при чик, разумеется, воюющие стороны и особенно театр войны разоряются. Острова Британские лежат среди океана, но не вдалеке от богатейших стран западной Европы, и вот англичане имеют легкое средство сделаться торговцами, т. е. отдаться промыслу наиболее выгодному. Климат Англии таков, что зима и лето там различаются мало и притом *средние* годовые температуры напоминают южную часть европейской России, от параллели Киева⁴. В атмосферном орошении недостатка нет. В заключение всего, почва богата каменным углем, который дает дешевого двигателя для всякого рода машин, увеличивающих производительность человеческого труда. Оттого мы видим, что англичане – самая развитая, передовая раса в Европе, и физически, и умственно. Средний рост англичанина больше такового же, напр., у француза на два вершка, а вес английского мозга больше французского на 18 золотников.

За англичанами, по физической крепости и количеству головного мозга, следуют другие народы германского племе-

---

⁴ Берем для сравнения Эдинбург, Ливерпуль и Плимут. Вот их широты по сравнению с тремя русскими городами, имеющими одинаковые годовые температуры: Ср. год. темп. +6°,2 Ц. – Эдинбург 55°, " шир. Понава 49°,6 м.; разн. шир. 6°,3+8,3, – Ливерпуль 53,4 " Орлов 47,1 " " 6,3+8,9 " – Плимут 50,2 " Пятигор. 44, 1 " " " 6,10 характере зимы и лета в тех же трех альпийских городах дает понятие сравнение их с тремя следующими русскими городами, находящимися на тех же параллелях: Широта 55°,9 Эдинбург ср. т. +6°,2 Ц., лета +11°,1 зимы +2°,4 р. л. – з. 8°,7 Ц. " 55, т Казань " +2,8 " +17,8 " -12,5; " 30,3 "" 53,3 Ливерпуль " +8,3 " +12,9 " +4,1; 8,3 "" 53,1 Пенза " +3,9 " " +19,2 " -11,1 " 30,3 "" 50,2 Плимут " +8,3 " +13,9 " +5,7; " 8,2 "" 50,3 Волчанск " +6,5 " +19,2 " -6,5 " 25,7 "

ни: голландцы, датчане, шведы, собственно немцы. Только у всех этих племен, как, впрочем, и у англичан низших классов, если рост тела и даже абсолютный вес мозгового вещества несколько выше, чем у большинства романских народов, напр. французов и итальянцев, то процентное отношение количества мозга в весу целого тела ниже, чем у среднего человека романской расы. Причина понятна. Романские народы с гораздо более давнего времени трудятся в умственной сфере, чем народы германские. Сама Германия начала широкую умственную жизнь лишь с XVI столетия, т. е. со времени реформации, и во всяком случае не ранее Карла Великого, т. е. IX века; между тем, как во Франции и Испании римская цивилизация (не говоря уже о финикийской) была привита до Рождества Христова, а в самой Италии греческая образованность была известна еще восемью-девятью веками ранее. Французы и итальянцы успели за время своей исторической деятельности ослабеть физически, измельчать, главным образом от многочисленных войн, истреблявших цвет мужского населения; но развитие мозга поддерживалось у них почти непрерывно, и оттого романские нации были первыми, у которых, после средневекового застоя, проявилось широкое умственное движение в XV и даже в XIV столетиях.

Ниже и германцев, и романских народов, естественно, стоят славяне, которых территория не пользуется теми же удобствами, как земли, занятые западно-европейскими нациями. И как русский народ даже между славянами постав-

лен в наименее выгодные условия, то мы и остановимся здесь с некоторою подробностью над изучением этих условий. Справедливо говорит Реклю в недавно появившейся «Географии России», что страна эта в физико-географическом смысле занимает не столько восток, сколько север Европы. Многие части её, по условиям температуры, как бы лежать на 10, 12 и даже 15 градусов севернее соответственных по широте приатлантических стран. Так, напр., в Норвегии, в Бергене, почти под 61° ш. средняя годовая температура равна $6,1^{\circ}$ Ц, а в России, чтобы найти такую же, нужно спуститься до Сарепты, т. е. до $48,5$ шир. Каковы же последствия этого? А таковы, что *в России, даже только европейской, не говоря уже про Сибирь, почва, при одинаковом химическом составе с западно-европейскою, может, под теми же параллелями, производить лишь небольшую часть того, что производит, напр., почва Англии или Франции.*

Чтобы лучше убедиться в этом, остановимся на некоторых частных данных физической географии. России, при чем взглянем и на другие элементы русской климатологии, кроме тепла. Весь юго-восток европейской части империи, от Кагула, Елизаветграда, Харькова, Саратова и Бузулука до морей Черного, Азовского и Каспийского и до подошвы Кавказа, т. е. площадь в 12-ть квадратных миль, представляет степь или страну, вовсе лишенную леса, а местами даже и воды. Если бы не таяние зимних снегов, то, вероятно, что почва значительной части этих местностей была бы и во-

все непригодна не только для оседлой, но даже для кочевой жизни людей, потому что летом орошение её почти ничтожно, особенно на востоке, вблизи Урала⁵. Чтобы развести здесь леса, нужно сделать огромные усилия, да и те не будут бесплодны лишь в черноморском бассейне, но едва ли в Каспийском⁶. Между тем, без леса оседлая, цивилизованная жизнь почти невозможна, особенно если еще при этом для замены его, как строевого материала, нет камня, а как топлива – минерального угля. Вспомним, что для отопления почти всей степной полосы России употребляются ныне солома, лузга и даже сухой навоз (кизяк), т. е. что у почвы безвозвратно отнимается то, что должно быть отдаваемо ей для поддержания плодородия!.. Вот почему мы должны признать, что 12,000 квадратных мил, т. е. восьмая часть европейской России, едва ли когда в состоянии будет сравняться по удобствам для человеческой жизни с соответственными по широтам местностями западной Европы⁷. Однолетние

---

⁵ Атмосфера воды падает, под 51° шир., в Курске всего 16,3 дюйм. а в Саутемптоне 34,8 дюймов.

⁶ В Черноморском, как известно, они и удаются, как доказали опыты около Чугуева, в Екатеринославской губернии и пр.; но в Каспийском мы не знаем результатов удачных, не смотря на то, что одно время вопрос о лесоразведении в Оренбургском крае стоял так «на очереди», что сосновые шишки высылались туда, по ходатайству местной администрации, на почтовых.

⁷ Выражение *никогда*, впрочем, слишком абсолютно; точнее сказать: впредь до расширения Каспийского моря через обращение в него воды из морей Азовского и Черного, для чего достаточно прорыть бесшлюзный канал по долине Маныча и Кумы, употребив на то до 380 миллионов рублей, т. е. сумму, втрое меньшую

растения, напр., пшеница, просо, овес, подсолнечники, арбузы, могут тут прозябать успешно, но и они подвергаются слишком большим случайностям от засух. Таким образом, мы должны сложить со счета *вполне* удобных для цивилизованной жизни земель около 13 % европейской России даже из числа тех, которых средняя температура далеко выше нуля. На этих 12,000 милях привлечь в себе оседлое население могут только узкие долины рек и побережья морей.

О севере, кажется, нечего и говорить. Проведя линию от Васы через Петрозаводск, Устюг Великий и Чердынь, мы отрежем в стороне Ледовитого океана страну в 20000 квадратных географических миль, которая самую природою назначена лишь для полудиких звероловов и рыболовов и в которой цивилизованный человек может жить только по нужде или в видах эксплуатации местных бедняков. Единственное богатство этих мест – леса; но с увеличением населения в западной Европе, куда вывоз дерева и других лесных продуктов нетруден, леса эти довольно быстро исчезают, а с ними исчезают и звери. Край, поэтому, не имеет исторической будущности, и население его всегда будет кормиться на счет избытков хлеба в средней России, а с уменьшением их начнет убывать в числе, или, по крайней мере, остановится на одной, очень скромной цифре, недалекой от современной: 950.000 душ, т. е. по 47 человек на 1 квадратную милю. Единственное исключение могли бы составить поморя-

не, для которых открыт океан, с его торговым и промысловым движением; но эти бедные люди уже оттеснены от своих естественных путей к обогащению конкуренции соседних норвежцев и других народов северо-запада Европы, поставленных в более выгодные физико-географические условия.

И так, в распоряжении *истории* русского народа остаются в Европе лишь 60.000 кв. миль средней России, Малороссии, Белоруссии и прибалтийских местностей, а с присоединением сюда черноморской части степной полосы, от устья Дуная до верховьев Кубани, – около 65.000 кв. миль. Конечно, это пространство огромно; оно превосходит всю западную Европу, без Скандинавии и островов, и, стало быть, дает возможность русскому народу стать на весьма высокое место в ряду европейских наций; но мы не должны заблуждаться на счет значения цифры квадратных миль. «Земля наша велика, но не обильна», или, по крайней мере, недовольно удобна, можем мы сказать, перефразируя выражение, приписанное Нестором новгородским послан. И вот в чем состоят неудобства и практические последствия их.

Прежде всего, мы должны заметить, что все население европейской России обязано *иметь одежду двух разрядов*: зимнюю и летнюю. Резкости температур июля и января так велики, что англичанин, напр., даже не может представить их себе⁸. Он, привыкший ходить зиму и лето почти в той же

---

⁸ В Казани ср. теми. июля +19,7° Ц., января –13,7°, следовательно разность равна 33,4° Ц.; в Оренбурге она еще более, именно 36,6° Ц. Припомним рассказ

самой одежде, удивляется, что в Москве, Киеве и даже Одессе люди носят шубы зимою и белые кителя и рубашки летом. Как человек практический, он тотчас исчисляет расходы на этот двойной комплект одежды и естественно видит, что его родина в этом случае счастливее России. А те из англичан, которые знакомы с наукою, видят еще, что, благодаря резкостям русского климата, и другие гигиенические условия жизни в России очень неблагоприятны, так что смертность в ней неизбежно долила быть сильнее, чем где-нибудь в западной Европе. Я действительно, развернув статистические таблицы, мы видим, что в Англии из 1000 солдат, т. е. людей крепкого возраста, умирает в год лишь 9-10, а у нас в казанском военном округе около 40. Мы не берем уже для сравнения еще более невыгодные цифры населения, вообще там разница просто поразительна; но, быть может, она происходит отчасти от несовершенства русской гражданской статистики.

То же, что здесь сказано относительно зависимости от климатических условий характера одежды, может быть повторено и на счет устройства и содержания *жилищ*. Зимние холода требуют зданий особенно прочных, с двойными дверями и рамами и с большим числом объемистых печей: для поддержания теплоты в жилищах необходимо тра-

---

Бёрнаби о том, как он, сделав в Лондоне возможно теплейшую одежду на английский образец, для путешествия по России, должен был бросить ее и заменить русскою по приезде в Петербург.

тить огромное количество топлива; для освежения воздуха в покоях нужна хорошая система искусственного проветривания, так как невозможно допустить открывания окон на улицу, которое служит для этой цели не только в Италии, но во Франции и даже Англии. Так как удовлетворить этим требованиям гигиены трудно без больших издержек, то последствием является крайняя неприспособленность большей части русских жилищ в климату, а затем страшная болезненность и смертность между людьми, о которой мы сейчас упомянули. К довершению неудобств, в большей части России вовсе нет камня, который бы мог служить для сооружения прочных и долговечных домов, а приходится последние строить из дерева, которое легко гниет, а еще чаще истребляется пожарами, нигде так не опустошающими страну, как у нас. Чтобы понять, какую разницу в экономических условиях жизни целых поколений делает эта необходимость строить дома деревянные, напомним, что, по соображениям Гакстгаузена, вся сельская Россия перестраивается, средним числом, раз в 30 лет, между тем, как во Франция, Швейцарии, Италии можно сплошь и рядом найти не только у богатых землевладельцев, но и у бедных крестьян дома, сооруженные 200–300 лет назад и совершенно годные для жительства в настоящее время. Потребность в топливе приводят и уже привела в большей части европейской России к *истреблению лесов*, а какое влияние имеет это обезлесение страны не только на дороговизну дерева, но и на невыгодное изме-

нение климата, иссушение почвы, обмеление рек и т. д., о том уже более столетия заявляет наука в лице таких авторитетных представителей, как Паллас, Кеппен, князь Васильчиков и др.

Третье невыгодное для русского народа обстоятельство, вытекающее из континентальных свойств климата страны, это сравнительная *малость количества питательных произведений почвы*. Целые полгода или, чтобы быть точнее, от 5 до 7 месяцев, земля у нас не производит ничего, оставаясь покрытою снегом между тем, напр., в окрестностях. Парижа и Лондона свежие овощи не переводятся крупный год, а в более южных частях западной Европы удается собирать и с полей по две жатвы. И какие бы усилия не употреблял русский человек для обработки родного поля, сколько бы удобрения ни клал на него, он никогда не достигнет средних урожаев равных не только ломбардским, но даже нормандским. Его десятина, равная 1,07 гектара, может дать ему случайно, в одно лето, не менее продуктов, чем, средний французский гектар; но возьмем 5–6 лет сряду, и, в результате получится отношение 1:3 или, до крайней мере, 1:2,5 в пользу Франции, где земля остается непродуцительною лишь с ноября по конец февраля и редко до половины марта н. ст.

Мало того, краткость лета в России приводит еще к тому, что на это время года, т. е. *на 5½ месяца*, в апреля по сентябрь, *выпадают всевозможные полевые работы*, тогда как во Франции, Англии, Венгрии, Румынии, не говоря уже про

Италию, можно пахать поля в феврале, а виноград убирать в конце октября. Труд селянина там разделен на восемь месяцев, т. е. на время в полтора раза большее, чем у вас. А это обстоятельство позволяет, напр., французскому крестьянину быть исключительно земледельцем, работать не торопясь, тщательно, и не отвлекаться уже другими занятиями, в которых он не силен и для производства которых нужно либо самому иметь особые орудия, либо ходить каждую зиму на сторону, во временную кабалу к заводчику либо торговцу, которые, разумеется, дают за работу лишь ровно столько, чтобы работник не умер с голода⁹.

Пагубные для растительной жизни *засухи*, как известно, нигде, в целой Европе, не случаются так часто, как у нас, и они зависят опять от таких физико-географических условий нашей родины, с которыми бороться трудно, чтоб не сказать невозможно. Если бы за Уралом расстился не обширный материк, а океан, Россия была бы одною из благодатнейших стран умеренного пояса и напоминала бы Соединенные Штаты или хот Амурский бассейн, с Маньчжуриею и частью Кореи. Но за Уралом тянется огромная площадь земель пустынных то от крайнего холода, то от чрезвычайной сухости, доходящей до 0,13 водяных паров в атмосфере, тогда как за-

---

⁹ Этот избыток непроизводительного времени у русских селян-хлебопашцев заставляет особенно желать поддержания у нас кустарной промышленности или даже развития заводских рабочих товариществ, которые бы владели фабриками сами и работали зимою исключительно в свою пользу, а не для одного обогащения немногих фабрикантов.

падная Европа имеет их от 0,60 до; 0,85. С этих сухих и холодных зауральских пустынь воздух, повинуюсь общим законам земной физики, движется к юго-западу, в более теплые при-атлантические страны и, проходя над русской землею, не только охлаждает, но и иссушает её почву. Академик Веселовский очертил полосу, где восточные ветры являются в европейской России господствующими. Его указания, за малыми разве, чисто местными исключениями, несомненно точны, обоснованы на более или менее продолжительных наблюдениях, и его карта ветров показывает, что под иссушающим влиянием Азии находится около одной трети страны. При этом названная треть – лучшая по географическому своему положению на юге, а не на севере. В состав её входят не только астраханская и заволжские губернии, но и ставропольская, саратовская, области: терская, кубанская, донская, губерния: воронежская, харьковская, екатеринославская, таврическая, херсонская, отчасти тамбовская, курская, полтавская, киевская, подольская и бессарабская. Если бы на поверхность этих провинций падало в год 5–6 дюймов воды более нынешнего, или даже если бы атмосфера их только содержала на 20–30 % более влажности, чем теперь, – какую бы благодатную страну представляли они! А теперь местный русский крестьянин и даже крупный землевладелец, имеющий средства хорошо удобрять землю и косить в степях огромное количество сена, часто (приблизительно в 4 года раз) не успевает, благодаря засухам, собрать посеянного

зерна или наносить травы, нужной, чтобы прокормить скот до следующей весны. Одной зимы бывает достаточно, чтобы весь этот скот вымер с голоду или был продан за бесценок, после чего все хозяйство приходит в упадок. Засухи вообще – главный бич юга-восточной России, и она от них не избавится до тех пор, пока не решится на великий технический подвиг, сходный с прорытием Суэцкого канала и противоположный тому, который сделали голландцы, выкачав воду из Гарлемского озера. Мы уже намекали на сущность этого подвига: нужно избыток воды в Черном и Азовском морях, уходящий через проливы: Керченский, Босфор и Дарданеллы в Средиземное море, повернуть на восток, в Каспийское. Но когда это будет, и будет ли вообще? Конечно, водораздел в 17 сажень над морем, существующий между Манычем и Кумою, не великая гора, срыть ее можно, равно как углубить до нужной степени русла обеих рек; не где необходимые для работ денежные средства, где, наконец, прочное сознание людьми влиятельными пользы самого предприятия? Мы начали осушать Полесье и долину Кубани; но обводнить какую-либо местность у нас еще никто не решался. Мало того, самая мысль о прорытии кумо-манычского канала, основанная на фактах, добытых Бергштретером, Блюмом, Данивым и др., подвергалась насмешкам в некоторых даже *soi-disant* ученых кругах....

Мы коснулись, таким образом, важнейших постоянных явлений, совершающихся в воздухе, который покрывает ев-

ропейскую Россию, явлений, которые имеют огромные влияние на развитие органической жизни в стране, а следовательно, и на быт человека. Мы видим, что все главные метеорологические условия жизни в России менее выгодны, чем в западной Европе. Но не одни эти условия влияют на судьбы человеческих обществ, занимающих ту или другую часть земной суши. В них присоединяется много других влияний, чисто топографических и способных то усиливать значение климата для исторической жизни народов, то ослаблять и видоизменять его. Знаменитый основатель сравнительной географии, Б. Риттер, с рассмотрения этих-то именно топографических условий и начал построение своей науки. Африка, заметил он, лежит под самыми благодатными широтами, но, тем не менее, есть самая неудобная для человеческого развития часть света, потому что доступ в глубь её труден от недостатка глубоко-вдающихся в материк. морских заливов. её береговая линия относится в её поверхностному протяжению в милях как 1 к 106, т.-е., в ней на одну милю берега приходится не менее 113 кв. миль пространства, тогда как в Европе это отношение равно 1:37, что втрое выгоднее. Если взглянуть с этой точки зрения на европейскую Россию, то получится отношение очень недалекое от африканского, именно 1:101. И притом, каковы моря, окружающие Россию? Северный океан с Белым морем и другими заливами открыт для мореплавания не более 135 дней в году, Балтика, в среднем выводе, около семи месяцев, Каспий – девять, и только

южная его часть. и Черное море, да и то последнее не повсеместно, остаются открытыми круглый год. Балтийское море при этом отрезало от океана проливами, находящимися в рунах чужеземцев, Черное – также, а Каспийское есть внутреннее озеро, которое ведет лишь в разоренную Персию и в совершенно пустынную Туркмению. Таким образом, моря русские почти вовсе не облегчают вступление русского народа на всемирно-историческое поприще, торговое и политическое. Напротив, благодаря несчастливому их положению, Россия постоянно находится и, вероятно, еще долго будет находиться в зависимости от произвола морских наций. С другой стороны, её сухопутные границы совершенно открыты для вторжения неприятелей с запада и с востока, и неприятели этим воспользовались. На западе, вот уже девять веков сряду, с неотразимою последовательностью оттесняет или даже заливают единокровные русскому народу славянские племена волна германизма; с востока Русь была в течение многих столетий, опустошаема печенегами, половцами, хазарами и монголо-татарами, из которых последние владели русской землею 240 лет и своим владычеством наложили на русский народ доселе не вполне еще изглаженные следы азиатских обычаев и порядков.

К важным территориальным невыгодам европейской России принадлежит *очертание её речных бассейнов*: 38 000 кв. г. миль, т.-е. более 40 % всей поверхности страны, принадлежат в водоему Каспийского моря, т. е., выражаясь несколь-

ко тривиально, мешка, из которого нет выхода никуда, кроме Туркмении и северной Персии. 20 000 кв. миль принадлежат в бассейну Ледовитого океана и, наконец, бассейны двух больших рек западной части империи, именно Вислы и Немана (в совокупности около 4500 кв. миль), важнейшими своими частями, т. е. устьями этих рек, принадлежат Пруссии. Таким образом, речная система России далеко не имеет той политической и экономической важности, как, напр., реки Германии, Англии и Франции. Прибавим сюда 1) что *на всех русских реках судоходство прекращается* на 4,5, иногда даже 8 месяцев, и 2) что *реки эти*, вследствие сухости климата, *далеко не так многоводны*, как, напр., французские, равной с ними длины. В настоящее время, конечно, речные сообщения начинают утрачивать часть той абсолютной важности, которую они имели до введения железных дорог; однако, на одной Волге с её притоками работает около 450 пароходов, и эти пароходы, заметим, должны; целых пять месяцев в году стоять без употребления, замерзшими во льду, чрез что, разумеется, владельцы их теряют часть дохода и для вознаграждения себя должны бывают летом назначать провозные цены несоразмерно большие, к невыгоде проезжающих и товароотправителей, т. е. всего населения страны.

Почти все русские реки (за исключением Невы) отличаются широкими и продолжительными весенними разливами, как следствием обильных зимних снегов и слабого ската почвы к стороне морей. Во всей Европе подобные разливы

считаются несчастьем, ибо уничтожают плоды многих человеческих трудов в речных заливах. У нас, наоборот, большим разливом радуются, как гарантии обильных сборов сена на заливных лугах. Мало просвещенный народ не понимает, что, таким образом, лучшие, производительнейшие части почвы навсегда обречены быть бесполезными для высшей культуры: садоводства, огородничества, хлебопашества, травосеяния. Но люди образованный не могут не знать истинной цены этому «благодению» природы, которое сближает Россию с Африкой и среднею Азией, где без разливов, как известно, настает голод. Регулировать эти разливы помощью канализации долин, которая бы, не лишая их весеннего оплодотворения почвы, спасала от размывания, конечно, можно, но кто сочтет миллиарды рублей, которые нужны для этого, и откуда будут взяты эти миллиарды? В последние тридцать лет Россия несомненно сделала огромные экономические успехи, но к национальному богатству её прибавились не одни величины положительные, а и значительная отрицательная величина в 3 500 000 000 рублей государственного долга на крымскую и турецкую войны, на завоевание не покрывших пока доходов Кавказа и Туркестана, на выдачу денег концессионерам и др.

От рек, орошающих почву, перейдем к самой *почве*. Природа в этом отношении щедрее к нам, чем ко многим другим европейским народам. В России почти нет горных вершин и скатов, негодных к обработке или каменистости или крутиз-

не, можно пахать и сеять почти везде, а где и нельзя устоять волей, там можно сажать деревья или кустарники. Кроме того в пределах европейской России находится обширная площадь *чернозема*, лучшей в мире почвы, для образования которой нужны были тысячелетия растительной жизни в стране. Эта черноземная полоса тянется от берегов Прута до Вятки и Белой и от Кременца, Киева, Орла, Тулы и Ядрина до Азовского моря, Эльборуса, Ергеней, Волги, Иргиза и Общего Сырта, т. е. занимает около 28 000 кв. миль. Отдельные клочки её встречаются в губерниях владимирской, костромской и даже архангельской. Если бы можно было поручиться, что чернозем сохранится в целости навсегда, то; мы могли бы спокойно смотреть на будущность весьма далекого потомства, но в действительности этого быть не может. *Чернозем истощается* уже потому, что мы огромное количество растительных продуктов отсылаем за-границу, а значительную часть удобрения, которое необходимо для восстановления израсходованных органических элементов или спускаем в русла оврагов и рек или, что еще хуже, сжигаем в виде соломы, лузги и кизяка. Известный химик-земледелец, Энгельгардт, справедливо пророчит нам незавидную экономическую будущность при такой системе хозяйства. Но система эта по большей части не зависит от нашей воли, а истекает из физико-географических условий страны. Мы уже сказали, что кизяк и солому у нас жгут во многих местах, потому что нет другого топлива; а что до вывоза зерна во Францию,

Англию, Германию и пр., то чем же иным можем мы расплачиваться за те капиталы, которые к нам притекают оттуда в виде ли денег или в виде заводских произведений? Своих фабрик, кроме винных заводов, мы не завели в достаточном количестве, даже лен и коноплю мы отправляем в Англию, Голландию и Бельгию в сыром виде, шерсть тоже, и т. д. Поэтому не должны мы и удивляться, что система нашего хозяйства разрушает в корне наше же собственное благосостояние. Об этом можно жалеть, можно заботиться о приискании средств устранить зло в будущем, напр., чрез изучение, вместо мертвых языков, химии и технологии и чрез приложение их к делу, но удивляться злу, уже существующему, — нельзя....

Сказав, что было естественно сказать в нашем очерке о значении чернозема в экономической жизни русского народа, мы не должны упускать из виду и других разрядов почвы, встречающихся в европейской России. Здесь на первом плане стоят *пески* при-каспийских равнин, Полесья и огромного числа местностей в северной и средней России. Когда пески эти орошаются достаточным количеством дождей, а подпочва их состоит из глины, тогда на них образуются болота, обыкновенно покрытые лесом. Это отнимает у культуры вероятно 5–6 тысяч квадратных миль, быть может и более. Но такая потеря, сравнительно говоря, еще небольшое зло, потому что лес, растущий на песчаной почве, представляет значительную ценность, особенно если его легко вывозить

по сплавным и судоходным рекам. Канализация Полесья в этом случае может многое сделать для поднятия экономического уровня страны, особенно если приобретенный при этом опыт будет с пользой приложен в других песчано-болотистых местностях. Но извлечь какую-нибудь пользу из песков, не орошаемых дождями и потому не покрытых растительностью, дело трудное, чтоб не сказать невозможное, а таких песков не мало в губерниях астраханской и ставропольской, в областях уральской и терской. И они составляют не только бесполезную, но даже вредную часть русской территории, во 1-х, потому что затрудняют устройство хороших дорог между плодородными и населенными местностями, и во 2-х, потому что, будучи переносимы ветрами, они постепенно засыпают земли возделанные и обращают их в пустыни. Итак такое поступательное движение песков не обещает ничего хорошего в будущем, то необходимо принять против него меры, именно: развести леса по окраинам песчаных степей (если это возможно) или, еще лучше, затопить эти, вообще низкие степи водами расширенного Каспийского моря.

За песками следуют *супеси* и *суглинки*, расстилающиеся по большей части северной и средней России. Это те почвы, которые дают, в нашем климате и при нашем скудном удобрении, урожая сам 2–3 и которые по этому не обеспечивают существования сколько-нибудь густого населения чисто сельского. Владея подобною землею, крестьянин неизбежно должен заботиться о снискании себе средств в жизни по-

мощью каких-нибудь ремесел, направленных в возвышению ценности добываемого им сырья. И действительно, мы видим, что в провинциях, занятых супесями и суглинками, истари возникли разные промыслы, частью местные, а частью отхожие. На сколько это обстоятельство отзывается на образе жизни русского народа в губерниях московской, тверской, новгородской, ярославской, владимирской, костромской, нижегородской и проч., мы полагаем, известно каждому. И едва ли не супесям и суглинкам с их урожаями сам 2—3 Россия больше всего обязана образованием тех колоний на востоке, которые мало-помалу сделали ее владычицею Вятки, Перми, Урала и всей Сибири. Заметим, что те же супеси в северной Германии прогоняют ежегодно часть её населения за океан.

От взгляда на состав поверхностного слоя почвы, того, который производит растительные богатства страны, перейдем к очерку подземных слоев с их *богатствами минеральными*. Огромное протяжение осадочных формаций во всей России, за исключением Финляндии, Урала, части Олонецкого края и полосы между Днепром и Бугом, служит причиною, что добыча металлов возможна у нас только на дальнем востоке или на пустынном северо-западе страны, за сотни и даже тысячи верст от местностей, где скопилось население. Небольшие добычи железа в рязанской, екатеринославской и др. губерниях не стоит принимать в расчет. А между тем, без широкого распространения металлов в домаш-

нем обиходе немислима сколько-нибудь удовлетворительная экономическая жизнь нации. Колеса без шин, полозья без подрезов, двери и окна без железных замков и петель, печи без чугунных заслонов и даже вьюшек, недостаток рабочих инструментов во всех отраслях ремесленной деятельности – вот последствия этой скудости металлов в России¹⁰, не говоря уже про то, что она не могла и думать об устройстве у себя железных дорог без привоза иностранных рельсов, локомотивов и проч. Про другие металлы – медь, свинец, цинк, олово, ртуть, необходимые для жизни, можно сказать, что их либо вовсе нет в европейской России, либо они добываются в количестве ничтожном, совершенно несоответственном потребностям населения. Таким образом, и по отношению в минеральным богатствам почва России далеко уступает западной Европе. «Но, могут сказать люди, склонные к самообольщению: по словам акад. Гельмерсена, в европейской России залежи одного каменного угля занимают 24 000 ни. миль; богатство Урала железом и медью неисчерпаемы; цинк мы находим в Польше, олово и свинец в Сибири, след. вообще дома». Да, но дом этот так обширен, что выгоднее покупать свинец и олово в Англии и рельсы в Бельгии, чем

---

¹⁰ Добыча железа в России доходит лишь до 24 фунтов на человека в год. Во Франции эта цифра равна 200 фунтам, в Германии 240, а в Англии даже 1200 фунтам. Конечно, последняя страна сама потребляет лишь часть этой громадной добычи, но не продажею ли другой части она больше всего обогащается. Железо, уголь и обработка, при помощи их, хлопка суть главные источники процветания Англии.

привозить их из Алапаевска, Барнаула и Нерчинска. А что до каменного угля, то до сих пор из 24 000 кв. миль, им будто бы занятых, разрабатывается едва 15–20 миль, что, впрочем, и естественнее, ибо площадь, очерченная г. Гельмерсеном, по большей части заключает лишь пласты плохих лигнитов, часто обремененных серным колчеданом, а еще чаще имеющих такую ничтожную толщину, что их пока не стоит разрабатывать, особенно в виду сравнительной дешевизны ньюкестля и кардиффа, привозимых из Англии.

Таким образом, какое бы физико-географическое условие человеческой жизни в России мы не взяли, мы неизбежно приходим к заключению, что *страна эта представляет менее удобств для цивилизованной жизни, чем западная Европа*. Некоторые из этих невыгод неустранимы, другие хотя и могут быть ослаблены в своем значении, но лишь ценою больших усилий, требующих прежде всего распространения в народе точных познаний, а потом проницательности людей, руководящих общественною деятельностью и, главное, энергии самого населения. И того, и другого, и третьего у нас пока нет, отчасти вследствие векового влияния тех же невыгодных физико-географических условий, отчасти же от причин случайных и преходящих. А потому не станем удивляться, если мало-помалу русское племя даже у себя дома будет отесняться на второй план иностранцами, сначала, конечно, одинокими пионерами, захватывающими в свои руки лучшие статьи дохода и выгодные места в обществе, потом

становящимися владельцами земли, т. е. производительной почвы, а потом, наконец, и полными хозяевами страны, при чем может даже не встретиться надобности прибегать к оружию, т. е. делать грубое и рискованное насилие. Западная Польша, Остзейский край, Петербург, южнорусские города, даже некоторые подмосковные местности могут представить немало тому доказательств уже в настоящее время. Что будет далее, – мы не знаем. Искренно желаем, чтобы русский народ не изнемог в борьбе за существование; но не можем не прибавить, что для успеха борьбы нужно иметь усовершенствованные орудия и полную свободу движений. Другими словами: чтобы победа осталась за нами, нужно торопиться приобрести точные знания, разумный, практический взгляд на свою землю и, главное, ту энергию, которая есть необходимое условие успеха всякого дела и которая, в свою очередь, дается лишь людям, умевшим освободиться от всяких стеснений ума и воли силою искреннего уважения в себе человеческого достоинства.

II

Обозревая физико-географические условия существования человека в европейской России, мы видим, что эти условия вообще менее выгодны, чем те, которые представляет западная Европа. Отсюда тот вывод, что борьба за существование для русского труднее, чем, напр., для француза, и что для добывания себе равных или, по крайней мере, подходящих к французским средств к жизни русский должен, во 1-х, работать, лично или посредством машин, более, чем француз, и, во 2-х, располагать большим количеством почвы, чем этот последний. Достижение первого условия очень возможно: были бы запасы угля для получения механического двигателя и знание законов механики, физики и химии, чтобы этого двигателя направлять наивыгоднейшим для себя образом. Но одно размножение механических и химических производств недостаточно для обеспечения экономической судьбы нации, потому что они приложимы лишь в *переработке* готового сырья, а само сырье доставляется все же природою, т. е. фактором, от нас пока очень мало зависящим. Вот почему, желая, чтобы русский народ жил в экономическом отношении (т. е. ел, пил, одевался, помещался, перемещался и пр.) не хуже западо-европейцев, мы должны обратить еще раз взгляд наш на отношения его к территории. Для этого вспомним то, что уже было замечено относительно

но средней производительности русской почвы. Одна десятина её приносит владельцу лишь 40 % того, что десятина французская; следовательно, если бургундцу или туреньцу достаточно для достижения известной доли благосостояния пять десятин, то рязанцу или орловцу их нужно не менее 12-ти или даже 15-ты. И в самом деле, наблюдения показывают, что только та средняя русская семья (5 душ: муж, жена, двое детей и старик или старуха) живет довольно обеспеченно, в пользовании которой есть 12–15 десятин огорода, пашни, луга, выгона и леса, при чем она содержит одну корову, 1–2 лошади, 2–3 овцы, свинью и несколько кур. Если же чего-либо из исчисленного здесь не достает, то начинаются лишения, или, как говорят в народе, *нужда*, которая заставляет главу семьи или одного из членов её, иногда даже нескольких, нарушить семейные связи и идти на сторону искать работы, вознаграждаемой поденною платою, тем сделаться из независимого человека подначальным наемником, что в иных случаях равносильно нисхождению на степень машины или скота. Но много ли русских людей находится ныне в завидном положении обладателей 12–15 десятин? – Раскрыв труды Васильчикова, Янсона, Вильсона или документы, обнаруженные министерством государственных имуществ, мы увидим, что очень немногие. Какие же затем средства может употребить и действительно употребляет крестьянин-земледелец для поднятия своего благосостояния хоть на столько, чтобы питаться, быть одетым по клима-

ту и кое-как поддерживать дом? – Ответ дают исследования Чаславского, Гацисского и др. об отхожих промыслах, книга Флеровского о положении рабочего класса в России и многочисленные статьи в ваших ежемесячных и ежедневных изданиях. Эти исследования и статьи прямо говорят, что положение среднего русского человека, не смотря на то, что он – землевладелец, нередко бывает хуже положения европейского безземельного бобыля и что наилучший исход для него из этого печального состояния есть оставление родного жилища и переселение в места, где еще свободных земель довольно. Само правительство в последнее время стало разделять это мнение и уже не так стесняет переселение, как кто было в первые 15–16 лет по уничтожении крепостного права. Стало-быть, колонизация есть очередной исторический вопрос для современного русского поколения¹¹. Но чтобы переселения были не разрушительны для благосостояния колонистов, а плодотворны, нужно прежде всего знать, куда выгодно переселяться, где есть свободные производительные земли и какие физико-географические и экономические условия ожидают переселенцев на новых местах. Это, как известно, нашими статистиками и экономистами оставлено почти в совершенном небрежении, и во всей русской литературе

---

¹¹ Разумею исключительно колонизацию, вызываемую экономическими причинами, увеличению которой можно только радоваться, благо пустых мест в России довольно. Что же касается до выселений из родины, обусловливаемых причинами политическими, то можно только скорбеть, что эти причины существуют, и желать, чтобы они скорее прошли.

нельзя найти ничего хотя бы только подходящего к «Отчетам северо-американского эмиграционного бюро», дающим превосходные указания для переселенцев в Соединенные Штаты. Мы, разумеется, не можем и думать о пополнении пробела в настоящем случае; во чтобы все-таки внести известную долю света в обсуждаемый предмет, попробуем характеризовать те земли, которые составляют как бы запасный экономический фонд русской нации и лежит преимущественно в Азии. Начнем с ближайшей страны, с Кавказа.

Кавказский перешеек, завоевание которого стоило русскому народу столько жертв кровью и деньгами, представляет, без сомнения, благодатнейшую часть русских владений. По крайней мере, это безусловно можно сказать про западную его половину, от меридиана Владикавказа и Тифлиса до Черного моря. После Андалузии и Ломбардии это, быть может, лучшая часть Европы по климатическим и почвенным условиям. И если доселе, напр., черноморское побережье пользуется репутацией страны нездоровой, лихорадочной, то это лишь потому, что она не возделана, что лесистые болота, находящиеся в речных долинах, не осушены и что новые пришельцы, незнакомые со страной, селятся именно в этих долинах, а не на откловах гор. Изучив лично топографию и физическую географию Европы от Тахо до Урала, от Лондона и Стокгольма до Мессины и Матапана, я смело утверждаю, что если в России есть местность, способная вмещать столь же густое население, как, напр., долины Ро-

ны, среднего Рейна или даже По, то это, конечно, западный Кавказ. Между тем, мы видим, что в нем, на пространстве 4000 кв. миль, живет лишь два с половиною миллиона людей, т. е. менее, чем в Альзасе и Бадене, занимающих в совокупности едва 650 кв. миль. Если для сравнения возьмем страну, сходную по топографическим свойствам, хотя и худшую по климату, именно Швейцарию, то увидим, что в этой последней на протяжении 750 кв. миль живет именно столько народа, сколько его есть теперь на 4000 кв. милях западного Кавказа. Стало-быть, можно допустить, что население в 10 или даже 12 миллионов душ не будет обременительным для совокупности областей, орошаемых Кубанью, Рионом, Чароком, верхними Араксом, Курою и Тереком. А если это так, то можно только желать, чтобы эта цифра населения была достигнута как можно скорее, хотя бы с временным ослаблением населенности бассейнов окского, донского и отчасти днепровского (по левому берегу) и волжского (в верхних и средних его частях). У нас нетрудно найти экономистов и администраторов, которые тотчас возразят, что это значит желать разорения средоточия государства; но мы скажем, что, напротив, это значит желать обогащения именно средней России и людей, ныне её населяющих. Оставление переселенцами земель, истощенных культурою, даст возможность последним отдохнуть, приобрести вновь плодородие, а, главное, даст в руки людям, остающимся на местах, большие против нынешнего наделы, приблизит сред-

нюю русскую крестьянскую семью к обладанию теми 15 десятинами, которые недостижимы для неё теперь. Переселенцы же в богатом от природы западно-кавказском крае быстро приобретут все нужное для их благосостояния, лишь бы они не были подчинены военно-подьяческому управлению, как казаки.

Значительно менее способна к колонизации восточная половина кавказского наместничества, где встречаются обширные степные пространства по Куме, Тереку и Куру или безлесные, каменистые горы – в Дагестане. Кроме того, здесь уже почти все годные под населения места заняты частью русскими, а частью, и гораздо большею, туземным мусульманским населением. Тем не менее, и восточный Кавказ может еще вместить вероятно до миллиона и более пришельцев с севера, особенно если в долинах его рек, от природы негодных к судоходству, будет введено орошение в роде того, которому начало уже положено да Тереке и Куру. Если же когда-нибудь, через устройство кумо-манычского канала, будет поднят уровень Каспия, то несомненно, что во всей восточной половине Кавказа воздух сделается влажнее, и те части страны, которые не будут затоплены морем, приобретут почти те же условия производительности, как западная половина перешейка. Мы охотно соглашаемся, что пока этот взгляд есть мечта, идеал; но в том-то и достоинство, как отдельных людей, так и целых наций, чтобы преследовать неуклонно, настойчиво достижение идеалов, имеющих

целью общее благо.

Кавказский перешеек, сверх растительных своих богатств, обуславливаемых благоприятным климатом, заключает в недрах своих и огромные минеральные сокровища, начиная от ныне разрабатываемых нефти, серебра, свинца, железа и пр., до каменного угля, соли, марганца, меди и даже золота. Таким образом, природа не отказала ему ни в чем, чтобы из него могло выйти цветущее экономическое целое, которое притом, по положению своему между двумя морями и, соседстве двух больших государств передней Азии, заслуживает особого внимания ныне господствующего на нем народа русского. В целом своем составе Кавказ на памяти истории ни разу еще не принадлежал *одной* нации, а тем более такой, которая имеет европейский склад жизни: это, следовательно, как бы пробный камень для колонизаторских или вообще цивилизаторских способностей русского племени.

Не признавая такую исключительную важность Кавказа, как запасной территории для русского народа, мы должны, конечно, оговориться, что лучшие места страны уже заняты и притом народами, которых национальность довольно резко определилась целыми веками истории, так что ассимиляцию их пришлыми русскими элементами трудно предположить осуществимую. Грузины и особенно армяне, вероятно, навсегда останутся грузинами и армянами, хотя бы сделали важные уступки европеизму в обычаях и даже скла-

де понятий. У них есть свои литературы, свои органы общественного мнения и, прибавим, свои национальные интересы, которые отнюдь не всегда сходятся с русскими. А они – хозяева большей половины Закавказья, и если могут мало-помалу слиться с русскими, то лишь благодаря, с одной стороны, влиянию общих интересов научных и нравственно-политических, а с другой – влиянию браков, довольно уже частых особенно между русскими и грузинами. Что до татар тифлисской, елизаветпольской и бакинской губерний, то одна их принадлежность в мусульманской вере кладет довольно широкую пропасть между ними и русскими.... Впрочем, также между ними и грузино-армянами. Притом, они занимают либо степи, среди которых нелегко водворить сколько-нибудь значительные русские селения, либо долины в горах Малого Кавказа и Карабаха, где уже все годное для культуры захвачено ими. Наконец, горцы Дагестана и Чечни не только составляют коренное население двух этих провинций, но и упрочены в коих жилищах легальным отводом им земель по межевым планам: очевидно, что само правительство и не думает заменять их русскими колонистами, хотя люди дальновидные, в роде гр. Евдокимова, давно были в пользу удаления горцев в Турцию. И так, остаются на Кавказе более или менее свободным поприщем для расселения собственно русского народа только восточное побережье Черного моря и вновь присоединенные области Карская и Батумская. Начало их заселения и сделано, но пока в очень

скромных размерах, при чем еще в Черноморском округе и бывших Цебельде и Абхазии сделаны крупные экономические ошибки через раздачу земель не действительным земледельцам, а крупным помещикам, чиновникам и офицерам, которые мало думают о личном водворении на полученных участках, а еще менее о разумной их обработке и о привлечении на них выходцев из России.

Переходя с Кавказа на восточный берег Каспийского моря, мы вступаем на почву Туркмении или, точнее, пустынь, которых южная окраина населена туркменами, а северная – киргизами и хивинцами. Физико-географические свойства этой местности ныне уже довольно известны. Почва – бесплодная, глинистая или песчаная степь, без воды; климат – суровая зима, с холодными ветрами и метелями, и сухое, знойное лето, почти без весны и осени. Цивилизованная жизнь тут невозможна, да не только цивилизованная, а почти всякая. Не многие обитатели страны, прижавшиеся к северным склонам Кепет-Дага, живут преимущественно разбоями, производимыми в соседних персидских провинциях, и едва-ли могут жить иначе, так как небольшие, редкие оазисы их собственной родины неспособны производить достаточно продовольствия для их семей и скота, составляющего почти единственное их достояние. Таким образом, все протяжение Закаспийского военного отдела, фиктивно определяемое в 5 или более тысяч квадратных миль, должно быть сброшено со счетов, когда идет речь о землях, годных для расселения

русского племени. Мы готовы даже сказать, что в сумму этих земель закаспийские степи должны быть введены с минусом, ибо удержание их за Россию, неизбежное по политическим соображениям, ничего, кроме убытка, не приносит и принести никогда не будет, разве если удастся расширить Каспий на столько, чтобы залить значительную долю пустынь¹², при чем, с одной стороны, расширится область рыболовства, а с другой, увеличатся влажность воздуха и зависящее от неё плодородие почвы степей.

Почти то же, что о Туркмении, должно сказать о степях киргизских, простирающихся от Мангышлака до Зайсана и от реки Урала до Бухары. Сухость воздуха здесь так же велика, как и в пустынях, окружающих Хиву, а зимние холода и бураны еще сильнее. Оренбург холоднее Гельсингфорса, а Омск Улеборга, хотя оба степные города лежат на 1000 верст ближе к экватору, чем города финляндские. В Казанске, под одинаковою широтою с Лионом, мы находим среднюю годовую температуру в $7,9^{\circ}$ Ц., между тем, как в Лионе она переходит за 10° Ц.; а если взять для сравнения амплитуды между самыми теплыми и самыми холодными месяцами в году, то увидим, что разница между ними огром-

---

¹² Уровень теперешнего Каспийского моря на 89 футов ниже Черного. Если кумо-ханычский канал будет доставлять столько воды, что горизонт её в Каспии возвысится на 6 сажен (42 ф.), то значительная часть губерний астраханской, ставропольской и бакинской, областей терской и уральской, а главное – Туркмении, исчезнет с поверхности земной суши, и за всем тем падение воды в канале будет достаточно, чтобы движение её к востоку не прерывалось.

на и, конечно, не в пользу Казалинска. Именно, в Лионе самый холодный месяц, январь, имеет среднюю температуру $+1^{\circ}$, а в Казалинске -13° ; в Лионе июльская жара не переходит, средним числом, за $+18,5^{\circ}$, а в Казалинске она равна $+25,5^{\circ}$, что дает разницы между крайностями в Лионе только $17,5^{\circ}$, а в Казалинске целых $38,5^{\circ}$; а это, конечно, отзывается разрушительным образом на здоровье людей и скота, особенно в виду того, что они не имеют таких закрытий от зимних непогод, как во французском городе. У нас с 1820-х годов возникла и даже осуществляется мысль колонизировать степи, где будто бы есть хорошие и обширные земледельческие угодья. Отвергать безусловно пользу такой колонизации, особенно в политическом смысле, мы не можем; но опыт показывает, что положение переселенцев тут незавидно. Были даже случаи, когда приходилось устроенные уже селения оставлять, как, напр., Улутау; вообще же казачьи станицы, а особенно степные укрепления с их поселками, представляют жалкий вид, кроме трех-четырех местностей, в которых возникли степные базары, так сказать, – торговые аванпосты Троицка, Петропавловска и других промышленных пунктов на линии уральско-иртышской, а вместе и этапы для караванов, ходящих с севера на юг, поперек степей и обратно. Во всяком случае, крайним пределом местностей, сколько-нибудь удобных для водворения русских колоний, можно считать 51-ю параллель. Все же, что лежит от неё в югу, или представляет случайные исключения, напр., Ферга-

на, Мианкал, подгорья Алатау, – или вовсе не годится для оседлой, а иногда и не для какой жизни. В придачу заметим, что значительная часть плодородных оазисов уже занята узбекским и таджикским населением, имеющим свою историю и исповедующим мусульманскую веру. Для колонизации русской, особенно сельской, тут очень немного места, и если, напр., в Семиреченской области успели водвориться 30–35 т. душ русских переселенцев, то мы не должны забывать, что они уже заняли *все*, что можно было занять, так что дальнейший прилив колонистов невозможен. Сумма этих занятых русскими частей Семиречья едва ли превосходит 35 кв. миль, т. е. $1/265$ долю страны! Все же остальное – степи, часто совершенно бесплодные, или горы, южные скаты которых обыкновенно представляют голые скалы, а северные производительны лишь тогда, когда на вершинах гор лежит вечный снег. В сыр-дарьинской области, аму-дарьинском и самаркандском отделах места, орошаемые из рек, также повсюду заняты уже местным населением, и русский переселенцы, чтобы водвориться, должны бывать или оттеснять туземцев, или выводить новые каналы для орошения своих полей и садов, что не всегда бывает возможно, особливо в виду того, что для нас очень важно поддерживать две главные реки края – Сыр и Аму-Дарьи – в состоянии, годном для судоходства, т. е. не распускать на арыки. Соображая все это и имея в виду, чтономадам нужно также оставить в пользование не одни голые пустыни, а и более или менее удоб-

ные пастбища или даже пашни, которые у них имеют огромное политическое значение¹³, мы можем сказать, что из пространства в 60 000 кв. миль, принадлежащего нам в Средней Азии, едва ли более 800 миль могут быть когда либо заняты собственно русским народом, а остальная площадь навеки останется за полудикими, кочевыми киргизами или за оседлыми уже, но не дружелюбными к нам таджиками и узбеками.

На севере от степей, как известно, лежат зауральские части губерний оренбургской и пермской, а потом западная Сибирь. Значительная часть двух первых провинций, именно, пространство между реками Уею и Тагилью, достаточно теплое, хорошо орошенное, имеющее плодородную почву, принадлежит к лучшим местностям азиатской России и потому уже ныне довольно густо населено. Тут развились: хлебопашество, скотоводство, горные промыслы и даже некоторые другие заводские производства, не исключая машиностроительного и химических. По физико-географическим условиям эта приуральская полоса земли, в 400 верст длиною и около 250 шириною, много напоминает соседние ей с запада европейско-русские губернии, пермскую и уфимскую, потому для оценки её, как запасной территории русского племени, критерием очень ясен. Она может содержать

---

¹³ Киргизы, которые начинают есть хлеб и потому пахать и обсеивать землю, суть совершенно мирные русские подданные; напротив, кочевники всегда склонны к хищничеству и бунтам.

безбедно до трех миллионов жителей, вместо нынешних 1 200 000. Но колонизировать эту страну новыми выходцами едва ли удобно: почти все лучшие места в ней заняты, а остальное пространство нужно предоставить потомкам теперешнего её населения, которые и обратят его в страну культурную. Что же касается до северо-востока пермской губернии и до юго-востока оренбургской, то на них надежды мало. Первый может доставлять занятия немногим горнопромышленникам и лесосекам, а второй – немногим же скотоводам; но для густого земледельческого населения они неудобны, один по суровости климата, другой – по крайней его сухости.

Затем мы вступаем на почву западной Сибири. О значении этой страны для русской колонизации еще недавно говорил, не без убедительности, известный знаток её, г. Ядринцев, и с большею частью его положений следует согласиться, так как известная полоса земель в бассейне Оби-Иртыша довольно удобна для водворения в ней колонистов из средней и северной России. Но почтенный писатель несколько преувеличил это значение. Так, едва-ли можно сомневаться, что не только большая из принятых им цифр – 285 000 000 д., но и самая малая – 51 000 000 душ, не может вместиться в пространство Барабы и предгорий Алтая. Причин этому много; важнейшая из них – климат. Если мы проведем крайний предел земледелия в Западной Сибири, т. е. линию от Тобольска в Томску и Ачинску, то она отделит ровно $\frac{3}{5}$ -х всей площади страны, т. е. около 25 000 квадр. миль, кото-

рые обречены на историческое ничтожество по той же причине, как губернии улеборгская, архангельская, олонеккая и большая часть вологодской в европейской России. Остаются, следовательно, 16 000 кв. миль, составляющие южную половину тобольской и томской губерний и северные окраины областей акмолинской и семипалатинской, т. е., говоря географическим языком, Бараба и Алтай. Но Бараба – страна бедная, болотистая и до такой степени мало привлекательная для колонистов, что только *силою* администрация успела в ней заселить две линии вдоль больших почтовых дорог. На левой стороне Иртыша, между меридианами Омска и Тюмени, правда, население погуще; но и теперь больших удобств для жизни нет, так что, не будь обширных пастбищ для скота и возможности вследствие той же обширности пустырей, вести переложное хозяйство, – население бедствовало бы. Не забудем, что Омск, занимающий почти средину культурной полосы западной Сибири, имеет среднюю годовую температуру всего $+0,3^{\circ}$ Ц. Средние температуры апреля и октября тоже около $+0,5^{\circ}$ Ц., а пяти зимних месяцев -15° Ц. В распоряжении земледельца остаются всего 5 месяцев в году, правда, со среднею температурою $+15,1^{\circ}$ Ц., но с значительными заморозками по ночам в мае и сентябре, даже августе. Оттого во всей Барабе, как и на Алтае, население не знает озимых посевов, и все земледельческие работы должно справлять между 20 апреля и 10 сентября, т. е. в течение 145 дней, а иногда и того скорее. Засухи тоже не редкость в западной

Сибири или, по крайней мере, в Барабе; да и все количество атмосферной воды, падающей в течении года на почву, не превосходит, например, в Барнауле, 9 дюймов, что в $2\frac{1}{2}$ раза меньше, чем в Москве. Междугорные и подгорные долины Алтая, конечно, богаты очень хорошими земледельческими угодьями и имеют, кроме того, важное преимущество лежать вблизи богатых металлами гор, по ненужно также преувеличивать их достоинств, потому что средние годовые температуры равны: в Томске лишь -1° Ц., в Барнауле $+0,4^{\circ}$ Ц. и даже в Семипалатинске лишь $+2,3^{\circ}$ Ц., что приравнивает весь Алтайский округ к губерниям олонецкой, вологодской и вятской. По этому мы думаем, что если западная Сибирь когда-нибудь населится так, что люди в ней будут потреблять *все*, производимое её земледелием, ничего не сбывая за пределы края, то это население будет миллионов 18–20, никак не более. Конечно, и 20 000 000 цифра большая, но отсюда до 285 или даже до 51 миллиона расстояние очень значительно. Заметим при том, что в Барабе, кроме Оби и Иртыша, нет судоходных рек, нет камня для устройства железных и даже шоссейных дорог, нет каменного угля для локомотивов; следовательно, все это придется привозить из-далека, не ближе как. с Алтая. В Омске и теперь плитняк для фундаментов сплавляется из Усть-Каменогорска, т. е. за 1 000 верст: от того-то он и обстроен так дурно.

И так, западная Сибирь – страна сравнительно недурная, но не могущая иметь большой экономической будущности.

её богатства сосредоточиваются главнейше в её юго-восточном углу, к которому дешевый доступ есть лишь по двум рекам, Оби и Иртышу, но эти реки семь месяцев в году недоступны для судоходства. широких и прочных морских сообщений с Европою установить нельзя, потому что путь туда из бассейна Оби лежит через Обскую губу, Карское море и Маточкин-шар, которые свободны от льда каких-нибудь 80 дней в году, да и тогда не привлекательны для мореплавателей. Железная дорога из Екатеринбурга на Тюмень или Шадринск и Омск, а оттуда на Барнаул и Томск, конечно, может много помочь экономическому развитию края, а с ним и духовному развитию населения; но повторяем опять, возможный предел этого развития тот же, что в олонецкой, вологодской и вятской губерниях, и 25 000 000 душ на всем пространстве, от Урала до границ восточной Сибири нам представляются *maximum*'ом населения страны даже в самом далеком будущем.

Что же после этого сказать про восточную Сибирь, от Алтая до Тихого океана и от Ледовитого моря до Саяна, Яблонового и Станового хребтов? В ней нолевая изотерма спускается почти до самых южных её пределов, именно до Верхнеудинска ($51^{\circ}50'$ м.), и даже южнее этого пункта есть местности, в которых, благодаря высокому их положению, средняя годовая температура ниже ноля, как, напр., в Кяхте ($50^{\circ}21'$ м.) $-1,1^{\circ}$ Ц. и в Нерчинском заводе ($51^{\circ}19'$) $-3,8^{\circ}$ Ц. Не будем уже говорить про енисейский округ или якутскую

область, где летом земля оттаивает с поверхности лишь на несколько вершков, а затем представляет ледяную толщу в несколько сажень; возьмем только юг страны: минусинский, красноярский и канский округа енисейской губернии, всю Иркутскую и все Забайкалье. Эти три провинции занимают около 40 000 кв. мили во из них для оседлой, цивилизованной жизни едва ли годна и половина, скорее менее. Безусловно способными к содержанию довольно густого оседлого населения могут быть призваны только долины рек, но и то если они довольно глубоко врезаются в высокую вообще почву страны и, с другой стороны, не обставлены большими горами, в которых дуют холодные ветры. Окрестности Красноярска, Минусинска, Иркутска, Верхнеудинска, Нерчинска производят хорошие яровые хлеба, но в достаточном ли количестве даже для теперешнего редкого населения? Не всегда, как показывают примеры нескольких голодных годов в последнее время. Да оно и понятно. Стоит вспомнить, что река Шилка, под широтою Варшавы ($52\frac{1}{4}$), вскрывается лишь 20–25 апреля, что через Енисей под Красноярском (шир. Виттебска) ездят по льду тоже около 25 апреля и что, наконец, нередки случаи, что через Байкал, под 52° шир., переезжают по льду же около 5 мая. Эти данные, полагаем, больше говорят уму, чем знаменитый державинский стих: «Богатая Сибирь... и пр.», нередко повторяемый на разные лады горячими хвалителями этой страны. Затем, если восточная Сибирь и обладает действительно огромными минеральными и

лесными богатствами, то где пути, по которым бы можно были обменивать их на предметы как самой первой необходимости, в роде хлеба, так и цивилизованного обихода, в роде колониальных продуктов, вин, тканей шелковых и бумажных, и пр.? – Устья Енисея и Лены, на которые теперь, после экспедиций Норденшильда, указывают поклонники плаваний по Ледовитому морю? – Но плавания Норденшильда и других были и суть не более, Как удачные *налеты*, которые отнюдь не всегда будут удаваться, как и доказал пример 1879 года, если уж не брать в расчет многовекового опыта наших предков: Стадухина, Бузы, Прончищева, Лаптева, Шалаурова, Сарычева, Врангеля, Литке, и целого ряда мореплавателей английских и голландских, искавших северо-восточного пути в Тихий океан. Мы знаем, конечно, что «не о хлебе едином человек жив бывает», но и без хлеба-то жить люди не могут, так что по одной этой причине многие страны неспособны вмещать населения более известной цифры. А став на эту точку зрения, мы не можем не заметить, что для восточной Сибири эту предельною цифрою являются 18–20 миллионов душ, из которых притом значительная доля будет, конечно, состоять из бурятов, минусинских и др. татар и якутов, которые все лучше приспособлены к климату страны, чем выходцы из европейской России. Русская колонизация должна рассчитывать на восточную Сибирь даже менее, чем на западную.

К счастью, русские владения в Азии не исчерпываются

двумя частями Сибири и Туркестаном: там есть еще у нас и Амурский край. Нет сомнения, что это лучшая из русско-азиатских провинций, особливо в виду её положения у моря, с которым и самые отдаленные от него части её связаны прекрасными водяными путями. По физическим свойствам она напоминает средние части европейской России, от Петрозаводска до Курска и даже более южных местностей, так как, вследствие теплоты лета, в ней возможно созревание винограда и многих плодовых деревьев; по великолепной лесной растительности (дубы, вязы, грецкие орешники, сосны, кедры, красные березы и пр.) она превосходит все остальные части России, кроме западного Кавказа, а по минеральным богатствам едва ли в чем уступает лучшим частям Сибири и Урала. бесплодных земель там нет вовсе, за исключением разве немногих голых каменных вершин в Становом хребте и Сихота-Алине. По математическому своему положению она соответствует даже лучшим странам западной Европы, именно южной Англии, Франции и северной Италии, от Ливерпуля до Флоренции. Но это-то сравнение и наводит нас немедленно на путь к истинной оценке физических условий Амурского края. В то время, как в западной Европе названные сейчас местности лежат между изотермами $+9^{\circ}$ и $+14^{\circ}$ Ц., Николаевск и Владивосток, две крайние точки Амурской страны, имеют средние годовые температуры не более: первый $-2,7^{\circ}$ Ц., а второй $+4,7^{\circ}$ Ц. Это, следовательно, климаты Скандинавского полуострова, а не Ап-

пенинского, даже не Франции и Бельгии. Поэтому, принимая в расчет, что собственно для земледелия в Амурском крае найдется годною лишь половина пространства (5 500 к. м.), а остальная земля должна навсегда остаться под лесами, пастбищами и горными приисками, мы можем предположить, что вероятный предел населения страны есть 15–16 миллионов душ, из которых три четверти, конечно, разместятся на среднем Амуре, в бассейне Усури и на побережье Японского моря, оставив подножия Станового хребта столь же почти безлюдными, как соседняя Якутская область.

Наконец, у вас имеются в виде запасных земель остров Сахалин и полуостров Камчатка. На первый из них, как известно, теперь обращено особое внимание тюремной администрации, которая ежегодно отправляет туда значительные партии ссыльных, из которых, впрочем, говорят, около трети успевает спастись за-границу или умереть от лишений. Большого населения Сахалин содержать не может, ибо хлебопашество удастся лишь в немногих местах, и его нужно заменять огородничеством и скотоводством; но за то обширные леса, залежи каменного угля и обильные рыбные ловли у берегов дают право надеяться, что при разумном хозяйничании население острова может стать очень зажиточным. Если мы, положив, что Сахалин будет так же густо населен, как теперь северная и средняя Шотландия, похожая на него природою, то он в состоянии будет содержать до миллиона душ. Что же касается до Камчатки, то, хотя её средние годовые

температуры выше сахалинских, под теми же широтами, но распределение тепла по временам года столь не выгодно для земледелия, что на заселение этой страны, столь же обширной, как Италия, нет надежды, по крайней мере до тех пор, пока не явится надобность на всемирном рынке в произведениях её лесов и рыбных ловель, или пока не откроются в её почве значительные минеральные богатства, способные привлечь горнопромышленников.

Сводя теперь все изложенное относительно русско-азиатских владений, как запасной территории русского племени, мы можем с некоторою вероятностью сказать, что для народа русского тут найдется пригодных земель меньше, чем их есть в европейской России вашего времени. Шестьдесят – семьдесят миллионов душ прибыли противу теперешней цифры населения Кавказа, Туркестана, Сибири и Амурского края – и азиатская Россия будет *переполнена* жителями, т. е. должна будет получать свой хлеб извне, как теперь губернии петербургская, московская и все промежуточные. Это может, на первый взгляд, показаться странным, даже пессимистическим, преувеличенно-мрачным, но что же делать, если к этому приводят данные, которые трудно оспаривать? Притом, кажется, что собственно-горестного тут нет ничего. $85 + 65 = 150$, а полтораста миллионов есть цифра достаточно почтенная, чтобы нация, которой численность она выражает, была спокойна за свое историческое существование, даже если бы одновременно с нею развивались другие, соперниче-

ствующие и более многолюдные, богатые и могущественные народы. Конечно, в то время, когда Россия будет иметь 150 000 000 населения, т. е. лет через 60, англо-саксонское племя в Европе, Африке, Америке и Австралии размножится до цифры еще более значительной, особенно благодаря ассимиляции других европейцев, выселяющихся в Соединенные Штаты и в британские владения, конечно, развитию России много будут мешать поступательные движения немцев с запада и неурядицы азиатских народов, живущих вдоль южных пределов империи; не возможность занимать почетное место в истории у нас не отнята тем, что физико-географические условия вашей территории плохи. «Не о хлебе едином будет жив человек», повторим мы в свою очередь и напомним, что ум человека есть такая сила, которая во многом может уравновешивать невыгоды обитаемой человеком земли. Голландия – тому пример; да и не одна Голландия, а сама Россия, которая в течении какого-нибудь столетия выдвинулась на очень заметное место среди европейских наций. И чтобы с успехом продолжать это прогрессивное движение, средства не отняты у нас. Первым и самым главным представляется, конечно, звание законов природы и умение прилагать их к производству таких предметов, которые были бы полезны, как для нас самих, так и для тех племен, которые обитают в странах, богатых от природы сырьем, особенно питательными продуктами. Пусть мы будем снабжать Бразилию или Зондский архипелаг железом, медью, машинами, оружием, а

они нам станут высылать рис, кофе, сахар, хлопок: мы будем сыты и одеты, несмотря на скудость наших урожаев. Пусть Китай и Монголия обращаются к нам за выделанными кожами, за сукнами, за мехами, за обработанным деревом, а нам дают чай, скот, шерсть, шелк и т. п.: результат будет тот же. Пусть наши заводы и железные дороги начнут действовать исключительно русским каменным углем и сполна обрабатывать у себя дома русское сырье – и мы в состоянии будем жить не хуже шотландцев, шведов, датчан, немцев, быть может, даже англичан и французов. Весь вопрос в том, чтобы, изучив физические свойства стран, своей и чужих, *сознательно наметить цель* нашей умственной и промышленной деятельности и *верно угадать те пути*, которые ведут к этой разумной цели: тогда благосостояние наше будет обеспечено, а с ним обеспечены умственное развитие и всемирно-историческое значение. Здесь, разумеется, не место входить в указание этих путей и самой цели, однако, мы не можем пройти молчанием некоторых сторон вопроса. Мы видели, что почва России никогда не может стать также производительною, как почва Франции, Англии, Бельгии, под теми же широтами; отсюда прямой вывод, что *главную промышленностью России должна быть не обработка поверхности земли, а выработка её недр*. И эти недра способны обогатить нас не одним золотом или серебром, а многими предметами, более их важными, как-то: топливом, т. е. согревателем наших жилищ и двигателем наших машин, железом и ме-

дью – материалами для этих машин, и пр. Пусть наши горные и технические училища дают нам не 100–120 техников в год, а 10–12 тысяч; пусть наша зажиточная интеллигенция, вместо траты времени и средств на изучение латинских супинов, риторики, палеографии, семитических литератур и теорий, учится химии, минералогии, геогнозии, механике и средства свои употребляет на разработку угля, железа, меди, на постройку заводов и фабрик, – она не только обогатит себя умственно и вещественно, но и обеспечить успех своих отдаленных потомков в трудной борьбе народов за историческое существование. Математика, физика, естественная история притом разовьют умственные способности наши лучше, чем запоминание звонких фраз Цицерона и усвоение бессмысленных бредней мистицизма, являющихся под видом-ли метафизики или под рубрикою «морали».¹⁴ Человек, владеющий знанием природы, – и только он один – есть та сила, пред которою все склоняется. Его взор дальновиден, его энергия всегда разумно направлена. Он не бродит в потемках, отыскивая цель жизни и наилучшие средства для её достижения; он не служит рабочим скотом для других людей,

---

¹⁴ Никто, конечно, не будет стоять за усвоение каких-нибудь бессмысленных бредней мистицизма, особенно прикрытых маской нравственности, да ничего подобного, впрочем нигде и не преподается – но можно – и все знание ограничить только званием химии, минералогии, геогнозия, механики, рода их практической пользы? Не единым хлебом жив человек. Отказаться от стремлении к красоте и к познанию ради того, что есть и было и что истинно само по себе, независимо от практических целей значит отупить умом и нравственно пасть.

более сведущих и богатых средствами; он – действительный *homo sapiens* и всевластный *naturae rex*.

Кроме этого *общего* указания на необходимость вознаградить невыгодность физико-географических условий русской земли разумным направлением умственной практической деятельности русского народа, мы позволим себе указать и на несколько *частных* вопросов, от решений которых будет много зависеть успех развития нашего племени. Чуть ли не самым важным из них является вопрос о *расширении Каспия* помощью вод Черного моря, проведенных по кумо-маньчской ложбине. Мы знаем, что решение его еще не созрело в обществе; но это не мешает нам стоять на своем, в твердом убеждении, что недалеко время, когда на великое дело взглянут серьезно представители интеллигенции и даже власти. – Затем, весьма важную задачу представляется *облесение* тех местностей, откуда берут начало реки. Советы Палласа, Кеппена, Васильчикова и других дальновидных людей должны быть исполнены, если мы не хотим постепенного расширения степей на счет плодородной почвы. – Далее, все влияние местных образованных людей, все средства земств, если уж не государства, поглощенного у нас почти исключительно заботами о так называемой *securite publique* внешней и внутренней, – должны быть употреблены на то, чтобы *деревянные жилища* и постройки вообще *заменить каменными*. Это не только обеспечит нацию от огромных ежегодных убытков, причиняемых пожарами, но и сообщит самой осед-

лой жизни ту устойчивость, которой нашему народу не достаёт. Жизнь трёх-четырёх поколений сряду в одном и том же доме есть почти порука их прочной любви к родине, а вместе и обеспечение успехов хозяйства. При скудости в европейской России приисков натурального плитняка и дороговизне обожжённого кирпича, нужно заменять их суррогатами, которых современные химия и технология предлагают немало. – Затем, мы можем пожелать, чтобы большая *магистральная железная дорога* связала наконец Россию европейскую с отдаленнейшими частями азиатскими, до самого Японского моря. Какой могущественный толчок экономическому и духовному развитию целой нации придала бы эта дорога, трудно себе и представить. Амурский край и лучшие части Сибири колонизировались бы, обмен произведений востока и запада перестал бы зависеть, от множества случайностей, которым он подвергается теперь, при перевозке гужом или даже на пароходах, плавающих всего 5–6 месяцев в году; нация быстро объединилась бы в умственном, политическом и даже этнографическом отношениях. – Наконец, позволив себе к этим крупным desiderатам присоединить одну, самую скромную, но вовсе немаловажную. Пусть наконец те, в руках которых находятся все способы, дадут народу общедоступное руководство в заселению далеких пустынных окраин: их труд по справедливости не будет забыт русской историей....

Нетрудно предвидеть впечатление, которые произведут

эти строки на большинство читателей, постоянно живущих в России и стоящих *слишком близко* от хода событий. Они отнесутся в значительной части всего, здесь написанного, несколько иронически: одни – по недоверию с точности положений и выводов, другие – по убеждению в неосуществимости «идеалов». Не станем оспаривать их. Если жизнь приводит людей в упорному скептицизму, в утрате веры в человеческое Достоинство, к умственной и нравственной апатии, – их не переделает чтение нескольких страниц, хотя бы написанных на тему самого жгучего интереса и даже с талантом, которого, конечно, мы не смеем подозревать в наших строках. Но тогда, надеемся, они и не удивятся, если мы скажем: вспомните притчи Христа о талантах, розданных рабам господином, и о десяти девах, ждавших «жениха во полнощи...» Полночь эта настанет, и тем скорее, чем другие народности, благодаря успехам цивилизации, окажутся более достойными *оттеснить беспечную расу с поприща всемирной истории.*